

ЧАРЕКОВ С. Л.

ОБ ЭВОЛЮЦИИ АГГЛЮТИНАТИВНЫХ СУФФИКСОВ (на материале эвенкийского и бурятского языков)

Одним из наиболее характерных отличий агглютинативной аффиксации от аффиксации языков других морфологических типов считается однозначность агглютинативных суффиксов, в отличие, например, от суффиксов флективных языков. Тем не менее, многозначность суффиксов во всех алтайских языках практически была выявлена уже давно. Для примера достаточно сослаться на приложения к эвенкийско-русскому словарю Г. М. Василевич [1] и таблицы словообразовательных суффиксов в бурят-монгольско — русском словаре К. М. Черемисова [2], где для большинства суффиксов зафиксировано по несколько более или менее близких значений. В тюркских языках многозначность суффиксов засвидетельствована в монографии Э. В. Севортяна [3], а в некоторых работах приводятся случаи, когда суффикс выражает два диаметрально противоположных значения [4].

В ряде исследований отмечалось, что принципиальное различие в многозначности между суффиксами агглютинативных и суффиксами флективных языков все-таки существует. На материале монгольских языков это положение наиболее отчетливо было сформулировано Т. А. Бертагаевым, подчеркнувшим факт многозначности суффиксов в языке при однозначности их в речевом контексте, т. е. в каждом отдельном случае употребления какой-либо словоформы с определенным суффиксом в конкретном предложении [5].

Таким образом, сам факт многозначности суффиксов в алтайской семье языков общеизвестен и сомнений не вызывает. Вместе с тем возникает ряд следующих соображений. Если суффиксы в алтайских языках многозначны, представляется ли возможным проследить последовательные этапы перехода от одного значения к другому, сохранились ли в языке промежуточные формы между двумя различными значениями, каковы причины и пути семантических изменений, претерпеваемых конкретным суффиксом, и т. п. При этом следует учитывать, что изменения часто затрагивают не только семантику суффиксов, но и характер их функционирования, т. е. один и тот же суффикс может выступать как в роли словоизменятельного, так и в роли слово- и формообразовательного суффикса, что также требует своего объяснения¹. Разумеется, в рамках статьи невозможно ответить на все эти и другие вопросы, но на примере нескольких суффиксов можно попытаться более детально показать специфику агглютинативной аффиксации.

В качестве объекта исследования здесь выбраны четыре суффикса: эвенкийские *-кән* и *-чй* и бурятские *-хан* и *-тай*, рассматриваемые попарно в двух языках в сопоставительном плане. Выбор именно этих суффиксов достаточно условен в том смысле, что те же самые или схожие явления можно было бы проиллюстрировать и на других примерах, но он отнюдь не случаен. Эвенкийский суф. *-кән* и бурятский суф. *-хан* близки как по своим основным значениям, так и по форме настолько, что их можно считать либо родственными [7], либо заимствованными из одного языка в другой, в зависимости от признания или непризнания гипотезы генетического родства алтайских языков. Суффиксы *-чй* и *-тай* сходны по своей семантике,

¹ Под формообразовательными суффиксами здесь подразумеваются суффиксы, образующие формы субъективной оценки (уменьшительные и пр.), см. [6].

но материально различны и, похоже, к одной праформе не возводились. Все эти обстоятельства имеют существенное значение для последующих выводов.

Развитие эвенкийского суф. *-kān* в сравнении с бурятским *-хан*

Суф. *-kān* характеризуется как продуктивный суффикс, служащий для образования уменьшительных и ласкательных форм от прилагательных и существительных, а также в некоторых случаях как суффикс, обозначающий игрушку: *бэе* «человек» — *бэекэ́н* «кукла» [1, с. 759; 8, с. 104].

В других тунгусо-маньчжурских языках, например, в нанайском, Т. И. Петрова отмечает возможность употребления этого суффикса в качестве словообразовательного [9, с. 25, 26], а В. И. Цинциус говорит о переходе суффиксов субъективной оценки в разряд словообразовательных на материале эвенского языка [10].

О. П. Суник, анализируя уменьшительно-ласкательные суффиксы и их многочисленные фонетические варианты в различных тунгусо-маньчжурских языках, приходит к выводу, что в прошлом этот формант «выражал какую-то часть или части предмета, коллектива, совокупности такого же рода предметов, являющихся членами более обширного единства» [11].

Далее мы попытаемся проследить последовательные этапы эволюции суф. *-kān* на основе анализа лексико-семантических групп слов, с которыми он употребляется.

Элемент *-kān* встречается в нескольких группах существительных, семантически между собой не связанных. Их объединяет ряд существенных признаков: примерно половина основ в выделенных группах не встречается с другими суффиксами, не образует производных форм, и, таким образом, в современном эвенкийском языке эти словоформы являются изолированными. Данный факт может свидетельствовать о большой древности омертвелых форм с элементом *-kān*, некогда служившим словообразовательным суффиксом и имевшим свое специфическое значение.

Вторая характерная черта рассматриваемых словоформ состоит в том, что большая часть их представляет собой диалектные формы, сохранившиеся лишь в одном-трех говорах эвенкийского языка. Наряду с этими реликтовыми формами существуют другие словоформы, обозначающие ту же реалию и бытующие в подавляющем большинстве диалектов и говоров. К примеру, слово *харинкэ́н* «табак» зафиксировано лишь в ербогачёвском и илимпийском диалектах, в то время как заимствование *дамга* с тем же значением употребляется в одиннадцати диалектах и говорах.

Третья характерная черта, также говорящая в пользу древнего происхождения рассматриваемых словоформ, — это высокая степень близости большинства реалий, обозначаемых ими, к повседневной жизни и быту носителей языка, что наглядно проявляется при семантическом анализе выделенных групп.

Первую группу образуют названия растений и диких животных (и в ней может быть выделено несколько подгрупп): а) растения: *гувукэ́н* «болиголов пестрый», *тулакэ́н* «ольха», *харинкэ́н* «табак», *хургикэ́н* «ель»; б) животные: *дёлдыкэ́н* «тарбаган», *мэнтэкэ́н* «росомаха», *торокэ́н* «барсук»; в) птицы: *верчикэ́н* «утка-тяглок», *кавекэ́н* «куропатка», *чэп-тэрэкэ́н* «кедровка»; г) рыбы: *гуткэ́н* «щука-травянка»; д) насекомые: *дэлкэ́н* «муха, откладывающая яйца в коже животных» и *хумикэ́н* «мошка-мокрец».

Вторая группа относительно многочисленна и состоит из слов, обозначающих в подавляющем большинстве случаев бытовые и хозяйственные реалии, предметы домашней утвари, охотничьего снаряжения и т. п. В этой группе также можно выделить несколько подгрупп определенного характера: а) предметы узкого назначения: *ботомикэ́н* «котомка для носки орехов»; *ёгдаукэ́н* «ремень, которым перевязывают оленю рога во время спаривания»; *куркэ́н* «биток для сбивания ягод»; *лётакэ́н*

«бревно, на котором укреплен лук-самострел»; *намакән* «покрышка на седло с вьюком»; *октыкән* «палка, которой выгоняют медведя из берлоги во время охоты»; *унрикән* «берестяной лоток для размешивания вареной рыбы»; *унэкән* «верхняя часть крышки чума»; *хаңнэкән* «вид орнамента из подшейного волоса оленя»; *элбикән* «угли, на которых жарят мясо». Предметы, входящие в эту подгруппу, можно было бы назвать «экзотизмами» с нашей сегодняшней точки зрения, в то время как все они являлись вполне обыденными в древнем укладе жизни кочевых охотников; б) словоформы, отражающие предельно детализированные реалии: *гулйвкән* 1) «челюстная впадина», 2) «глазное отверстие в черепае»; *нилдякән* «плешь на шкуре оленя во время линьки»; *нимжукән* «горелое место в лесу с молодой порослью»; *мәйлкән* «мелкая мертвая зыбь»; *тәмәлкән* «тишина ночью в лесу»; *хилэкән* «открытое место среди гор». В названиях всех этих реалий отражается конкретность, характерная для ранних этапов развития человеческого мышления; в) словоформы, обозначающие часть целого ², т. е. тоже в какой-то степени детализирующие предметы и явления: *гәйилкән* «гребень волны»; *шүрәжкән* «кость плюсны, запястья»; *индыкән* «коленная чашечка»; *тәпүкән* «древесная почка», *улукән* «отросток рога», *чалкән* «блок в оленьей упряжке»; *шанкән* (*сәнкән*) «дужка чайника»; г) предметы ближайшего окружения, как и в предыдущих двух подгруппах, но только без узкой детализации: *дәлкән* «помост на сваях», *ипкән* «ложка-черпак», *кавкән* «крышка посуды», *лушикән* «постромки», *ниндукаң* «сухостой», *нярмакән* «верхняя одежда», *тастакән* «грузило», *тукупкән* «тесло, стамеска», *тәкән* «корневище», *тәллакән* «равнина», *шиекән* «чаша», *ятакән* «распадок»; д) подгруппа существительных, обозначающих предметы и существа маленького размера: *дакән* (*кокән*) «ребенок», *иргинчикән* «мизинец», *нэгдылткән* «оленок», *суюкән* «бычок», *чувакән*, *чулбикән* «холмик, сопка», *чумдыкән* «кошка». Количество слов этой подгруппы, а также слов, обозначающих мелкие предметы, но вошедших в другие группы по какому-либо иным признакам, сравнительно невелико, но именно они представляются наиболее важными для дальнейшего развития семантики суффикса, что будет показано ниже.

Третья группа состоит из существительных, обозначающих сказочные предметы, мифологические существа, понятия, связанные с религиозными верованиями: *идакән* «шаманка», *непкән* «плач по умершим родителям», *нимһакән* (*ломгакән*) «сказка», *ниһнакән* «людоед», *мәлкән* «злой лесной дух в виде огонька», *ханякән* «душа человека после смерти», *зәмкән* «амулет, изображающий человека», *эхэкән* «дух-хозяин животных». Эта группа невелика, но реалии, передаваемые этими словами, несомненно, относятся к достаточно древним и воспринимались носителями языка как вполне конкретные.

Существительные четвертой группы малочисленны, они передают понятия абстрактного или обобщенного характера: *иткән* «закон, привычка», *әскән* «слава, честь».

Анализ семантики слов, входящих в перечисленные группы, позволяет сделать два вывода. Во-первых, все они составляют относительно древний слой лексики с конкретным бытовым содержанием. Следовательно, суф. *-кән* к тому времени сформировался как словообразовательный суффикс существительных. Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев реалии, обозначаемые словами с суф. *-кән*, были либо небольшого размера сами по себе, либо на их небольшой размер указывают косвенные обстоятельства. Так, часть целого всегда меньше самого целого, и потому группа слов, обозначающих часть целого, близка словам, детализирующим какое-либо явление. (Например, «гребень волны» — одновременно и детализация, и часть целого, а «горелое место в лесу с молодой порослью» — тем не менее остается частью леса.) Суммарно таких слов в приведенных группах подавляющее большинство.

² Б. В. Болдыревым выявлено около сорока существительных с суф. *-кән*, обозначающих только части тела, см. [12].

Таким образом, именно это обстоятельство, т. е. употребление суф. *-кән* со словами, обозначающими предметы небольших размеров, способствовало формированию у словообразовательного суффикса формообразовательного значения уменьшительности. Причем сфера употребления расширялась. С ним стали образовываться уменьшительные формы не только существительных, но и прилагательных, наречий, числительных. Например, *ая* «хороший» — *аякән* «хорошенький»; *дага* «близкий, близкий» — *дагакән* «очень близкий, очень близко», *дагачукән* «близехонький»; *умунь* «один» — *умидкән* «один-единственный». Количество подобных слов настолько велико и общепозвестно, что нет необходимости увеличивать их список.

Выделенная выше линия развития суф. *-кән* от словообразовательного суффикса к формообразовательному не является единственной. Развитие этого суффикса продолжалось и по другой линии. Его первоначальная словообразовательная функция не была потеряна. С суф. *-кән* образовалось некоторое количество существительных и от глаголов, что свидетельствует о его продуктивности именно в словообразовательной функции. Следует отметить, что во вновь образованных существительных суф. *-кән* иногда сохранял одновременно и значение уменьшительности. Примеры: *дудун-* «ворчать» — *дудукән* «воркотня»; *игрә-* «проводить черту» — *игракән* «черточка»; *каларұт-* «стряпать» — *каларұткән* 1) «стряпуха»; 2) «маленький олень, на которого навьючивается котел»; *капчу-* «прижать» — *капчукән* «щипчики»; *сеңа-* «починить» — *сеңакән* «дырочка».

О сохранении словообразовательного значения суф. *-кән* свидетельствует и тот факт, что некоторые существительные при оформлении им не только получают значение уменьшительности, но и претерпевают изменения в своей семантике: *асёг* «ельник» — *асёкән* «елочка»; *дәт* «тундра» — *дәткән* «болото»; *кулин* «змея» — *куликән* — «червяк, пиявка»; *мб* «дерево» — *мбкан* 1) «жердь, палочка»; 2) «маленькое сухое дерево»; *мугдә* «ствол» — *мугдәкән* «пенек»; *няңта* «кедровый орех» — *няңтакән* «ядрышко ореха»³.

В приведенных выше примерах как бы сливаются обе функции суффикса. С одной стороны, в этих словоформах присутствует значение уменьшительности, а с другой — возникает и новое значение, ведущее к образованию нового существительного. Так, например, «червяк» или «пиявка» похожи на «змею» и отличаются от нее меньшими размерами, но отнюдь не являются «маленькой змеей», *дәткән* «болото», но не «маленькая тундра».

Развитие словообразовательной функции суф. *-кән* подтверждается и наличием большого количества словоформ, где он выступает только в роли суффикса прилагательного без значения уменьшительности: *дәптыкән* «встречный» (*дәптыки* «навстречу»); *бултәркән* фольк. 1) сказочное существо и 2) «пучеглазый» (*бултә* «крупный»); *наптакан* «плоский, гладкий, ровный» (*напта* «равнина, низкий»); *ниткүкән* «низкий» (*нит* «ровный, плоский берег»); *паматкән* «растерянный, смущенный» (*памат* «смутиться»); *симүткән* «тихий» (*симүли* «тишина»); *нэкәмукән* «крепкий» (*нэкә* «огниво»); *солкодоркән* «шелковый» (*солко* «шелк»); *унипкән* «продажный» (*униет-* «продать»).

Краткий обзор эволюции суф. *-кән* показывает его путь от словообразовательного суффикса существительных к словообразовательному суффиксу ряда других грамматических разрядов слов и к формообразовательному, которое в настоящее время является основным и наиболее распространенным.

Теперь для сравнения обратимся к бурятскому суф. *-хан*. Этот суффикс в монгольских языках весьма близок по значению эвенкийскому *-кан*. Однако полного параллелизма между этими двумя суффиксами родственных групп языков не наблюдается.

³ Аналогичные факты рассматривались и на материале нанайского языка, см. [9, с. 46; 13].

Суф. *-хан* в монгольских языках обладает большим количеством оттенков значений: ограничительности, уточнения и преувеличения признака и т. п. Не удается выявить и семантическую общность в развитии этого суффикса. Во всяком случае, линия развития, прослеженная для эвенкийского *-кән*, от словообразовательного до формообразовательного (уменьшительного) суффикса, по имеющимся материалам не выражена.

Вместе с тем ряд общих черт между эвенкийским и монгольским суффиксами имеется. В монгольском языке выделяется небольшая группа существительных с *-хан*, где этот элемент не несет в себе значения уменьшительности: *бунхан* «гробница, часовня»; *дархан* «священный, неприкосновенный»; *майхан* «палатка, шатер»; *савхан* «посуда для супа»; *цулхан* «чашка» (из наплыва на дереве) и некот. др. Однако эта группа не поддается семантической классификации, подобной той, которая была проведена с эвенкийскими существительными. То же самое можно сказать и об аналогичных примерах из бурятского языка: *гонхон* «колокольня», *гоохон* «красавица», *тохон* «селение»; *улхан* 1) «наплыв на дереве»; 2) «чашка».

Далее, на примере бурятских прилагательных рассмотрим различные свойства суф. *-хан*. Основным и чуть ли не единственным значением этого суффикса принято считать уменьшительно-ласкательное [14, с. 125]: *арюун* «чистый» — *арюухан* «чистенький»; *богони* «короткий» — *богонихон* «коротенький»; *муу* «плохой» — *муухан* «плохонький»; *набтар* «низкий» — *набтархан* «низенький»; *салдан* «голый» — *салдахан* «голенький» и т. п.

Нетрудно заметить, что основным значением *-хан* в приведенных примерах является не столько уменьшительность, сколько оттенок ласкательности, который возникает в силу того, что прилагательные не называют предмет, а обозначают его качество, и, следовательно, о непосредственном уменьшении величины в линейных размерах говорить не приходится. Этим же объясняется и наблюдаемая в отдельных случаях близость суф. *-ган* к суф. *-шаг*, обозначающему неполноту качества. Например, *Жэгтэйхэн хүн байнаш даа* «Странноватый [ты] человек»; *Газарай ехэхэн хубинь хүртэбэ* «Досталась [ему] довольно большая часть земли»⁴. Ср. *ехишэг* «довольно большой».

Суф. *-хан* часто выступает и в словообразовательной функции. Причем возможно в одной и той же словоформе сосуществование двух значений: формообразовательного и словообразовательного, которые выявляются в зависимости от контекста. Так, например, если исходная форма *арюун* обладает тремя значениями: 1) «чистый, ясный, светлый»; 2) «чистый, честный, святой»; 3) «чистоплотный», то с суф. *-хан* значения этой словоформы будут следующими: *арюухан* 1) «чистенький»; 2) «прозрачный» (о воде); 3) «милый, пригожий». Таким образом, только в первом значении реализуется формообразовательное свойство этого суффикса, в двух других случаях он является словообразующим. Как правило, семантика образованного слова близка исходной словоформе или связана с ней логическим переходом: *гүлмэр* «молодой, юный» — *гүлмэрхэн* «неокрепший»; *обор* «плохой, неказистый, невзрачный» — *оборхон* «слабенький, хилый»; *хөөрхы* «вызывающей жалость» — *хөөрхэн* 1) «возбуждающий жалость»; 2) «милый, славный, прелестный, хорошенький».

В единичных случаях словообразовательные свойства суф. *-хан* проявляются при образовании прилагательных от других частей речи: *баа* «немножко, чуть-чуть, слегка» — *баахан* 1) «маленький»; 2) «маловато»; *гэдэ* «таять» — *гэдхэн* «талый».

По характеру функционирования суф. *-хан*, несомненно, типологически близок эвенкийскому суф. *-кән*.

⁴ Эти и приведенные далее предложения записаны автором в Джидинском р-не Бурятской АССР.

Бурятский суф. *-тай*
в сравнении с эвенкийским суф. *-чй*

Суф. *-тай* является едва ли не наиболее продуктивным суффиксом прилагательных. Исторически его значение заключалось, по наблюдениям Т. А. Бертагаева, в выражении принадлежности чего-либо предмету или лицу [15]. Тем самым суф. *-тай* аналогичен эвенкийскому суф. *-чй*, также передающему значение «имеющий что-либо, обладающий чем-либо», которое и определило его название как «суффикса имени обладания» [4, с. 797]. Такая характеристика позволяет предположить, что первоначально суф. *-чй* употреблялся исключительно с вещественными существительными. Словоформы с этими суффиксами в обоих языках, следовательно, можно было бы считать не столько прилагательными, сколько существительными с суффиксами принадлежности.

На начальном этапе развитие суффиксов в эвенкийском и бурятском языках шло одинаковым путем. Однако в дальнейшем бурятский суф. *-тай* преобразовался в словоизменятельный суффикс совместного падежа, чего не произошло с эвенкийским *-чй*. Оба этих этапа и будут рассмотрены ниже.

В качестве примеров исходной группы существительных с суф. *-тай* можно считать вещественные существительные типа: *гэргэтэй* «имеющий жену, женатый» [*гэргэ(н)* «жена»]; *модотой* «покрытый лесом» (*модон* «дерево, лес»); *ногоотой* «покрытый зеленью, богатый травой» [*ногоо(н)* «зелень, трава»]. Эвенкийскими аналогами подобных образований могут служить: *нулгичй* «имеющий жену, женатый» (*нулги* «хозяйка, жена»); *дэктылэчй* «имеющий крылья, крылатый» (*дэктылэ* «крыло») и т. п.⁵

По своему характеру приведенные примеры представляют собой существительные с узко-конкретным значением, но сама идея передачи значения принадлежности («с чем-либо, наличие чего-либо») дает возможность суффиксам *-тай* и *-чй* образовывать прилагательные уже более обобщенного типа, такие, как бур.: *атираатай* «морщинистый» < *атираа* «морщина»; *бороотой* «дождливый» < *бороо* «дождь»; *задатой* «неласный» < *зада* «неласье, непогода»; эвенк.: *дёлочй* «счастливый» < *дёл* «счастье»; *иманначй* «снежный» < *иманна* «снег»; *удучй* «дождливый» < *удун* «дождь»; *нутэчй* «смолистый» < *нутэ* «смола».

Следующей ступенью в развитии более абстрагированного грамматического значения суффикса прилагательного *-тай* являются прилагательные, образованные от отвлеченных существительных: *азатай* «счастливый, удачливый» < *аза* «счастье, удача»; *буянтай* «добродетельный» < *буян* «добродетель, заслуга»; *гарзатай* «убыточный» < *гарза* «ущерб, потеря»; *маратай* «толстый» < *маряан* «полнота»; *нойртой* «сонливый» < *нойр* «сон»; *ольхотой* «теплый» < *ольхон* «теплота»; *шогтой* «шутливый» < *шог* «шутка».

В эвенкийском языке более отвлеченные значения прилагательных возникают в следующих словоформах: *абду* «скот, имущество, вещи» — *абдучй* «богатый» (т. е. «имеющий» все перечисленное — и есть «богатый»); *булэ* «болото» — *булэчй* «топкий» (т. е. «обладающий свойством болота»); *вактэ* «добыча» — *вактэчй* «удачливый» (но не конкретно «имеющий добычу») и т. п.

Подобных примеров можно было бы привести множество. Именно такого рода прилагательные и составляют основную массу прилагательных, образованных при помощи суффиксов *-чй* и *-тай*⁶.

Если во всех предыдущих группах, включая и последнюю, несмотря на усиление обобщенно-грамматического начала, в суф. *-тай* сохранилось конкретное значение (наличие чего-либо, обладание чем-либо), то впослед-

⁵ Здесь и далее приводится минимальное количество примеров из эвенкийского языка с суф. *-чй*. Более подробно об эволюции этого суффикса см. [16, с. 230—234].

⁶ Все эти ступени развития эвенкийского и бурятского суффиксов полностью соответствуют схеме развития азербайджанского суф. *-лы*, в котором, по наблюдениям Э. В. Севортяна, значение «имеющий что-либо» переходит в значение «обладающий свойством/качеством/признаком» [3, с. 57].

ствии прослеживается превращение *-тай* в грамматический показатель прилагательного. Однако и при этом в языке фиксируется ряд переходных форм, в которых семантика суффикса как бы раздваивается. В одной и той же словоформе в одном случае суф. *-тай* сохраняет свою первоначальную (конкретную) семантику («наличие чего-либо»), а во втором она вытесняется грамматическим значением. При этом во втором случае вся словоформа иногда употребляется в переносном значении или приобретает какие-либо отличия в оттенках по сравнению с семантикой исходной основы. Подобное раздвоение наблюдается в следующих словоформах: *аматай* «имеющий рот» и «говорливый, болтливый» < *ама* «рот»; *арьбан-тай* «жирный» и «бережливый» < *арьбан* «жир», *һүбэтэй* «в дырочках» и «находчивый», шутливый» < *һүбэ* «ушко, дырочка».

Аналогичный характер семантического отдаления от исходного значения демонстрируют эвенкийские прилагательные: *гирамнай* «стройный» < *гирамна* «кость»; *дбэй* «наполненный» < *дб* «нутро, внутренность»; *дыличэй* «умный» < *дыл* «голова»; *эручэй* «виновный» < *эру* «зло, беда, несчастье, горе»; *кэрэкэй* «нужный» < *кэрэк* «вещь». Крайним случаем полной грамматикализованности суф. *-чэй* можно считать прилагательное сахалинского говора *надачэй* «нужный», образованного от русск. *надо*.

Вообще можно сказать, что грамматическое развитие суф. *-тай* определенным образом влияет на семантику основы. Или, иными словами, при переходе существительного в разряд прилагательных наблюдаются семантические изменения: во-первых, становится возможным возникновение переносного значения, во-вторых, и чаще всего, слово приобретает какой-либо новый оттенок (семантический сдвиг), в-третьих, наблюдается сужение, когда из нескольких значений исходной формы существительного при переходе в прилагательное реализуется только одно или два.

Переносное значение может возникнуть и в тех случаях, когда раздвоение семантики не наблюдается: *муртэй* «подходящий, толковый» < *мур* «путь, след, борозда»; *хорхойтой* «жадный» < *хорхой* «червяк»; *эльгэтэй* «неравнодушный» < *эльгэ(н)* «печень».

Семантический сдвиг наблюдается при образовании следующих прилагательных: *амитай* «живой» < *ами(н)* «дыхание»; *бараатай* «солидный» < *бараа(н)* «облик, наружный вид»; *бахатай* «привлекательный, симпатичный» < *баха* «желание, страсть».

Во всех вышеприведенных примерах семантика основ обогащается новыми оттенками, что не наблюдается в тех случаях, когда суф. *-тай* является просто суффиксом принадлежности.

Сужение значения происходит при образовании следующих прилагательных: *дуутай* «звучный, шумный» < *дуу(н)* «звук, голос; песня»; *нюргатай* «высокий» < *нюрга(н)* «спина, хребет; рост»; *самсаалтай* «гранный» от *самсаал* «просека; грань; острый».

Частным проявлением сужения значения можно считать все случаи образования прилагательных с суф. *-тай* от числительных, поскольку они обозначают только возраст: *гурбатай* «трехлетний» < *гурбан* «три»; *гушаадтай* «под тридцать» (о возрасте) < *гушаад* «около тридцати»; *хоёртой* «двухгодовалый» < *хоёр* «два» и т. п.

Способность суф. *-тай* образовывать прилагательные не только от существительных, но и от других грамматических разрядов слов — числительных, прилагательных, наречий и некоторых глагольных форм — свидетельствует об окончательном закреплении этого форманта в качестве имени прилагательного. Примерами образования прилагательных от наречий и причастий могут служить следующие словоформы: *агтай* «сильный, острый, крепкий» < *аг* «сильно, крепко»; *барагтай* «сносный, подходящий» < *бараг* «посредственно, сносно»; *лабтай* «точный» < *лаб* «точно, верно»; *болохотой* «приемлемый, подходящий» < *болохо* «становиться, делаться».

Присоединение этого суффикса к прилагательным приводит в большинстве случаев к образованию синонимичных форм с одинаковыми значениями: *залхаг* и *залхагтай* «слизистый, липкий»; *зуб* и *зубтэй* «правильный, верный»; *муу* и *муутай* «плохой, дурной»; *холишор* и *холишортой* «разбит-

ной, праздной». В этих словоформах суф. *-тай* как бы «подкрепляет» первоначальное значение прилагательности.

Весь прослеженный здесь путь развития суф. *-тай* типологически сходен с развитием эвенкийского *-чй*. Различие же состоит в том, что в дальнейшем суф. *-тай* вошел в качестве компонента в сложные суффиксы *-тай* и *-аатай*.

С суф. *-лтай* образуется ряд специфических отглагольных прилагательных, которые можно было бы назвать модальными прилагательными, поскольку они включают в свою семантику помимо значения, выраженного основой исходного глагола, еще такие оттенки, как возможность, долженствование, необходимость и т. п. Например, *абалтай* «то, что нужно (необходимо) взять, купить» < *абаха* «брать»; *асуултай* «то, о чем можно (следует) спросить» < *асууха* «спрашивать»; *барилтай* «такой, что можно брать, держать» < *бариха* «брать, держать».

Этот суффикс состоит из *-л-* и *-тай*, где *-тай* выполняет функцию словообразовательного суффикса прилагательного, а *-л-*, по всей видимости, является тем же продуктивным суффиксом, который образует от глаголов существительные, обозначающие а) состояние (процесс) действия (*сэсэглэл* «цветение» < *сэсэглэхэ* «цвести»); б) результат действия (*болбосорол* «просвещение, образование, культура» < *болбосорхо* «совершенствоваться, развиваться»); в) состояние, признак, свойство и качество, отвлеченные от предмета (*жаргал* «счастье, радость» < *жаргах* «наслаждаться счастьем») [17, с. 33]. В приведенных прилагательных суф. *-л-* является своего рода субстантиватором, переводящим глагольную форму в именную и тем самым определяющим возможность образования от нее прилагательного, что и реализуется при помощи суф. *-тай*.

Несколько сложнее обстоит дело с анализом следующих словоформ с суф. *-аатай*: *адхаатай* «рассыпанный, разлитый» < *адхаха* «лить, выливать; сыпать, высыпать»; *анятай* «закрытый, зажмуренный» (о глазах) < *аниха* «зажмуривать, закрывать (глаза)»; *аргамжаатай* «привязанный, связанный» < *аражамжа* «привязывать, связывать»; *бүглөөтэй* «заткнутый» < *бүглэхэ* «затыкать»; *зураатай* «нарисованный» < *зурах* «рисовать» (ср. *зурагтай* «иллюстрированный, с рисунками» < *зураг* «рисунок»); *шэрдээтэй* «крашеный, окрашенный» < *шэрдэхэ* «красить, окрашивать» (ср. *шэрээтэй* «окрашенный» < *шэрэ* «краска»).

В «Грамматике бурятского языка» подобные формы определены как страдательные причастия, преимущественно употребляемые в качестве определения и сказуемого [14, с. 278]. При этом суф. *-аатай* определяется как суффикс совместного падежа *-тай/-тэй*, присоединяемый к основам несовершенного причастия переходного глагола: *бэшээ* + *-тэй* = *бэшээтэй* «написанный» [14, с. 233].¹

Но возможна и другая интерпретация: *-аа-* можно рассматривать как суффикс существительного, обозначающего предмет, являющийся результатом действия: *гагнаа* «спайка» < *гагнаха* «паять, спаивать»; орудие действия: *бүглөө* «пробка, затычка» < *бүглэхэ* «затыкать» и т. п. [17, с. 29]. Суф. *-тай* в этом случае оказывается суффиксом прилагательного, образующим его от существительного. Как известно, причастия довольно легко адъективируются именно благодаря своему свойству выступать в роли определения, теряя при этом свои глагольные признаки. В качестве примеров адъективации можно привести предложения, в которых интересующие нас словоформы с суф. *-аатай* определенно являются прилагательными: *Адхаатай сайгаа ариуш!* «Пролитый чай вытри!»; *Бэлдээтэй унтаридаа ошожо хэбтэнэ* «На приготовленную постель прилег».

Относительно семантической эволюции суффиксов *-чй* и *-тай* можно заключить следующее. Развитие суф. *-чй* шло от частного значения принадлежности к обобщенно-грамматическому значению суффикса прилагательного, чем дело и ограничилось. А развитие суф. *-тай* шло двумя путями: от суффикса принадлежности к словоизменительному суффиксу совместного падежа и к словообразовательному суффиксу прилагательных. Отличия наблюдаются и в способности суф. *-тай* входить компонентом в составные суффиксы.

В дальнейшем он был заимствован эвенкийским языком в качестве суффикса, в редких случаях образующего прилагательные как от собственно эвенкийских существительных (*чухсэ* «сок» — *чухсэтэй* «сочный»), так и от заимствованных (*мәслэ* «масло» — *мәслэтэй* «масляной») [8, с. 116]. Еще интереснее функционирование этого суффикса с промежуточным между словоизменительным и словообразовательным значением, при котором суф. *-тай* обозначает «пассивное участие в действии предмета или лица, выраженного в основе: *суктэй суручэн* „он ушел с топором“; *хутэтэйл, оротойл нулгэденкитын* „они кочевали с детьми и с оленями“» [1, с. 791]. Промежуточным это значение можно считать именно благодаря «пассивному» участию в действии, что безусловно уже полного значения совместного падежа и близко к значению «имеющий что-либо».

Семантическая эволюция суффиксов сама по себе представляет определенный интерес. Однако, на наш взгляд, значение подобных исследований может быть существенно шире. В частности, сравнение семантического развития суффиксов можно использовать для уточнения гипотезы генетического родства алтайских языков. При наличии серьезных расхождений в эволюции таких материально близких суффиксов, как *-хан* и *-кән*, их генетическое родство оказалось бы под сомнением. При таком сравнении более узкая сфера употребления какого-либо суффикса в одной группе языков, отсутствие многозначности являлись бы свидетельством заимствования, вторичности, как это было показано на примере суф. *-тай* в эвенкийском языке.

Второе возможное направление — это более углубленное изучение сущности агглютинативной аффиксации для морфологической классификации языков. Выяснение всех существующих явлений (взаимодействие суффикса и основы, семантический сдвиг, способы формирования различных значений, возникновение синонимии и омонимии) и сопоставление их в агглютинативных языках разных семей позволит уточнить общие черты агглютинативного словообразования и обнаружить специфику отдельных языков и групп языков.

Самостоятельный интерес представляет изучение путей формирования новых значений каждого суффикса. Так, например, если развитие суф. *-чи* шло от узко-конкретного к обобщенно-грамматическому, то эволюция другого эвенкийского суффикса прилагательных, *-рин*, образовывавшего слова только со значением цвета, шла по пути расширения группы существительных, к которым он мог присоединяться, что и привело к качественному изменению семантики этого суффикса [16, с. 230].

И, наконец, семантическую эволюцию агглютинативных суффиксов можно рассматривать в сопоставлении с эволюцией суффиксов языков других типов. Подобное направление исследований может восполнить существующий пробел в сфере изучения морфем как одних из самых многочисленных значащих единиц языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. С приложениями и грамматическим очерком эвенкийского языка. М., 1958.
2. Черемисов К. М. Бурят-монгольско — русский словарь. С приложением краткого грамматического справочника по бурят-монгольскому языку. М., 1951.
3. Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.
4. Иванов С. Н. К истолкованию многозначности грамматических форм (на материале тюркских языков). — ВЯ, 1973, № 6, с. 106.
5. Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с. 37.
6. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1983, с. 49—51.
7. Рамstedт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с. 186.
8. Константинова О. А. Эвенкийский язык. М.—Л., 1964.
9. Петрова Т. И. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1960.
10. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Ч. I. Л., 1947, с. 81, 82.

11. *Суник О. П.* Существительные в тунгусо-маньчжурских языках. Л., 1982, с. 109.
12. *Болдырев Б. В.* Суффиксы имен существительных, обозначающих части тела (на материале эвенкийского языка).— В кн.: Исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1976, с. 36.
13. *Аврорин В. И.* Грамматика нанайского языка. Т. I. М.— Л., 1959, с. 109, 209.
14. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962.
15. *Бертагаев Т. А.* О спорных вопросах грамматики (на материале монгольских языков).— В кн.: Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961, с. 98.
16. *Чареков С. Л.* Суффиксы эвенкийских прилагательных *-рин* и *-чй*.— В кн.: Лингвистические исследования. 1983. Функциональный анализ языковых единиц. М., 1983.
17. *Дондуков У.-Ж. Ш.* Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964.